

Остранение Средневековья

DOI: 10.53953/08696365_2026_197_7_376

Каррас Р.М. Секс в Средневековье / Пер. с англ. И. Линевой.

М.: АСТ, 2024. — 351 с. — (История и наука Рунета).

Вопрос о специфике образов европейского Средневековья в современной культуре, в том числе сформированных научной исследовательской традицией, породил в последней четверти XX в. заметные дискуссии среди медиевистов, продолжившиеся в нынешнем столетии. Сформулированные подходы, получившие известность как «новый медиевализм», были связаны с критической переоценкой исследовательских практик, сложившихся в медиевистике, главным образом в отношении принципов анализа средневековых текстов. «Новые медиевалисты», подобно Э. Саиду, изучавшему формирование стереотипных представлений о Востоке, стали рассматривать нормальные процедуры академического знания как механизмы, способствующие производству образов экзотического «Другого» по отношению к современной европейской культуре из ее средневекового прошлого. Их фокус внимания сместился со стремления к объективности на проблематику политики знания — отношений и представлений, которые поддерживает и воспроизводит научное знание, и эффекта, оказываемого им на современную культуру¹.

Помимо методологических дискуссий «новый медиевализм» способствовал появлению множества работ, авторы которых уделяют немалое внимание проблематизации собственной исследовательской позиции, применимости существующих понятий и категорий для описания средневековой культуры, возможностей для сопоставления с современными явлениями и курсами. Одним из примеров подобных публикаций, хотя ее автор и не декларирует своей близости к «новому медиевализму», является недавно переведенная на русский язык монография известной американской исследовательницы Рут Мазо Каррас, в настоящий момент — профессора истории в Дублинском университете², о средневековой сексуальности, англоязычное

издание которой, «Sexuality in Medieval Europe. Doing unto Others», было выпущено в 2005 г.³ Броское название, которое получил русский перевод, — «Секс в Средневековье» — существенно отличается от оригинального, наглядно демонстрируя значимость вопросов политики публичного знания, нацеленного не только на специалистов, но и на любого «заинтересованного читателя». Хотя книга изначально

- 1 Об этих подходах и дискуссиях см.: *Савицкий Е.Е.* «Новый медиевализм» четверть века спустя // Новое литературное обозрение. 2015. № 135. С. 346–354.
- 2 В аннотации к русскому изданию приведены сведения о том, что она является заслуженным профессором истории Миннесотского университета, которые были актуальны на момент выхода третьего издания ее книги в 2017 г., из которого они и почерпнуты.
- 3 *Karras R.M.* Sexuality in Medieval Europe. Doing unto Others. N.Y.; L.: Routledge, 2005 (перевод сделан с третьего издания 2017 г.).

была рассчитана на широкую аудиторию, формулировка, предложенная российскому читателю, не только убирает ряд коннотаций, которые могут показаться неуместными и некорректными, но и существенно упрощает ожидаемое содержание работы. Отказ от связанного с психоанализом понятия «сексуальность», прочно ассоциирующегося в современных отечественных публичных дискурсах с сексуальной идентичностью, в пользу простого и привлекающего внимание слова «секс» создает дополнительную проблему для читателей, поскольку автор уделяет изрядное внимание объяснению, почему «история сексуальности как область исследований не равна истории секса» (с. 17). В еще большей степени очевидна связь проблем бытования знания с тем, что подзаголовок, в который была вынесена ключевая для Каррас характеристика сексуальности в средневековой культуре — понимание сексуального акта как действия, совершаемого одним человеком в отношении другого, и вовсе оказалось невозможным включить в название работы. И «действие над другим», и «власть над другим» (как это выражение переводится в тексте исследования) в сочетании что с «сексом», что с «сексуальностью» в названии научно-популярной книги на российском книжном рынке любопытным образом скорее способствовало бы тому, чтобы возбуждать в воображении читателя те самые образы экзотического «Другого», которые автор исследования стремится развеять. Хотя потерю смыслов несколько уравнивает выбор фрагмента «Сада Земных наслаждений» И. Босха для оформления обложки, вносящий идею странности в кажущуюся очевидность содержания книги с таким названием, выбранная издателями альтернатива — простое и очень «научно-популярное» название «Секс в Средневековье» не передает ключевую особенность книги Каррас; в значительной мере она посвящена не сексу и даже не сексуальности, а тому, как и для чего сегодня можно и нужно говорить о Средневековье, отказываясь от свойственных современной культуре стереотипов мышления. Любопытно, что и аннотация к русскому изданию, в которой можно было бы отчасти компенсировать смысловые потери, связанные с изменением заголовка, никак не обозначает эту проблематику.

В ключевой с этой точки зрения первой главе монографии, имеющей в русском переводе то же название, что и вся книга, Каррас проводит работу с ожиданиями читателя. Она начинается с разбора стереотипных образов, возникающих у современного человека при сочетании слов «Средневековье» и «сексуальность», показывая, что их очевидная противоречивость, притом, что каждая интерпретация находит подтверждение в средневековых текстах, есть следствие того, что эти тексты прочитываются с чуждых самому Средневековью позиций. Исследовательница последовательно разбирает категории, принципы и подходы, которые в современной культуре используются для описания и анализа сексуальности, средневековых источников и собственно Средневековья, демонстрируя, как и по каким причинам они, начиная со стремления находить единое объяснение противоречивым фактам, не срабатывают при анализе культурных феноменов той эпохи. Непростая и по сей день вызывающая дискуссии работа, которую должен проделать исследователь-медиевист, чтобы увидеть привычные, кажущиеся универсальными понятия, образы, иерархии как свои собственные, принадлежащие современной культуре, но не свойственные мышлению средневекового человека, становится и работой, которую предстоит совершить читателю этой книги, чтобы понять средневековую сексуальность.

Поскольку вовсе отказаться от таких понятий и категорий невозможно, Каррас анализирует границы и случаи их применимости, показывая, что некоторые из них, если точно оговаривать принципы их использования, позволяют выявить важные характеристики. Так, например, понятие «гендер», которое в современной культуре разводится и с сексуальностью (сексуальная идентичность может не сов-

падать с гендерной, то есть социальной), и с биологическим полом, едва ли применимо в таком понимании для объяснения поведения людей Средневековья, которые полагали влечение к женщинам свойством мужского тела и составляющей мужского поведения (с. 18). В то же время оно позволяет исследовательнице критиковать некоторые существующие в медиевистике концепции, впрочем, не называя своих оппонентов и не вдаваясь в дискуссии относительно гендерных моделей в средневековом обществе. Одна из них была в свое время предложена Томасом Лакёром, отметившим, что средневековые ученые стремились не подчеркивать различия между полами, но описывать их через категории сходства. Это было тесно связано с аристотелевским знанием и идеей соотношения гуморов в организме: разный баланс «мужских» (горячих и сухих) и «женских» (холодных и влажных) гуморов мог порождать целый спектр вариантов, делая сложным проведение четкой границы между полами. Лакёр предложил концепцию однополой модели, в которой мужской пол считался нормой, а женский — отклонением от нее, отличающейся от современной, развивающейся с XVIII столетия, модели двух полов, основанной на бинарной оппозиции⁴. Другая интерпретация, которую называет, но не поясняет Каррас, принадлежит Роберту Суонсону, отмечавшему, что продолжение рода считалось основной задачей человека, и маскулинность (что вполне согласуется с отмеченным выше тезисом самой Каррас) определялась главным образом через сексуальную активность, а посему люди, в первую очередь мужчины, но также и женщины, добровольно принимавшие целибат, теряли свои маскулинные и феминные характеристики и, следовательно, могут быть описаны как третий гендер⁵. Наконец, идеи подвижности гендера и множественности гендеров, возникавших на пересечении различных культурных иерархий, методологически восходящие к хорошо известной историкам статье Джоан Скотт «Гендер: полезная категория исторического анализа»⁶ и появившейся позднее концепции интерсекциональности Кимберли Креншоу⁷, связаны с тем, что гендерные характеристики и модели описания весьма различались: феминность благочестивой монахини и мирянки, знатной дамы и горожанки, равно как маскулинность отшельника, воина или пахаря, можно описывать как разные гендерные модели, часть которых порой мог применять один и тот же человек, если менялись его положение и дискурс, позволявший его описывать (главным образом это касалось именно религиозной составляющей, в особенности принятия обетов). Множественность и противоречивость идей, касающихся поведения мужчин и женщин, также прямо согласуется и с взглядами Каррас, однако она противопоставляет им довольно жесткое суждение, что

эти идеи разбиваются о невероятно строгое бинарное противопоставление мужчин и женщин в средневековом обществе. Хотя теоретики могли писать, что женщины — это бракованные мужчины, эти дефекты были достаточно значительными, чтобы всерьез никто их не считал мужчинами: женщины были совершенно самостоятельной категорией. Эта категория в общей иерархии стояла ниже мужчин —

-
- 4 *Laqueur Th.W.* Making Sex: Body and Gender from the Greeks to Freud. Cambridge (Mass.); L.: Harvard University Press, 1990.
 - 5 *Swanson R.N.* Angels Incarnate: Clergy and Masculinity from Gregorian Reform to Reformation // *Masculinity in Medieval Europe* / Ed. by D.M. Hadley. L., N.Y.: Longman, 1999. P. 160–177.
 - 6 *Скотт Д.* Гендер: полезная категория исторического анализа // Введение в гендерные исследования. Ч. 2: Хрестоматия. Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя, 2001. С. 405–436.
 - 7 *Crenshaw K.* Demarginalizing the Intersection of Race and Sex // *University of Chicago Legal Forum*. 1989. № 1. P. 139–167.

они были совершенно точно не «другие, но равные» — и разница между женщинами и мужчинами была существенной и для богословов, и для остальных средневековых людей (с. 15).

Эту особенность аргументации Каррас следует принимать во внимание в первую очередь исследователям. Книга написана одним из ведущих специалистов по вопросам средневековой телесности, гендеру и сексуальности и основана на прекрасном знании огромного материала, но в силу того, что она имеет научно-популярный характер, повествование выстроено таким образом, что дискутировать с самой Каррас довольно затруднительно. Вся аргументация автора нацелена не на коллегу-исследователя, а на человека, которого она стремится научить по-новому мыслить о Средневековье, не опираясь на стереотипные представления. Представленные в работе тезисы не выводятся логическим путем из предшествующих размышлений от частного к общему, а утверждаются, демонстрируются и развиваются дедуктивно. Все ключевые тезисы заявлены в первой главе как основание, на котором выстроены интерпретации конкретных источников и, соответственно, как составляющая основополагающего подхода к рассмотрению средневековой культуры. Дискуссии по разным вопросам, ведущиеся среди медиевистов, только обозначены, сама по себе полемика с коллегами не важна в рамках основной идеи работы и не является значимой частью повествования. В монографии, изначально адресованной англоязычным читателям, к тому же почти не учитываются или, по крайней мере, не упоминаются, даже в библиографических экскурсах, работы специалистов, опубликованные на других языках. Написанный Каррас текст — не исследовательский, хотя за ним стоит огромное научное исследование, его стоит читать как весьма интересную попытку не просто представить непрофессиональному читателю результат работы историка, изучающего средневековое прошлое, но и продемонстрировать ценность самой этой работы. Для этого недостаточно просто описать занимательный сюжет доступным языком, превратив предмет изучения в очередное развлечение для читателя. Каррас стремится, не потеряв ни увлекательности, ни научной основательности, выстроить иное повествование, в котором значимым полем дискуссий, с которым она соотносит свою позицию, являются не диспуты коллег, а противоречивость современных образов Средневековья и их соотносимости с современностью, в которой деление на научную, художественную или любую другую традицию теряет свое значение, как и отмечали «новые медиевалисты».

Основная цель работы — продемонстрировать, как обычно выстраиваются суждения о Средневековье в современной культуре, какой предстанет средневековая сексуальность, если отказаться от идеи естественности и универсальности современных критериев оценки, и чем ее понимание может быть важно для людей XXI в. В этой связи приобретает особое значение связанное с вопросами сексуальности понятие «квир», превращающееся в методологический принцип — «квирить». Поскольку квирами называют людей, чья сексуальная и гендерная идентичность отличается от общепринятой, то есть не вписывается в существующие культурные ожидания, то «квирить» — означает не *признавать* кого-то или что-то странным⁸ в силу несоответствия нормативным моделям и иерархиям, а *делать* его таковым, отказываясь от существующих ожиданий и стереотипов, на которых мы строим свои оценки. Каррас предлагает использовать такой прием остранения по отношению не только к людям, но и к текстам, и Средним векам в целом, стараясь не подходить к их оцениванию с привычных нам, но не обнаруживаемых в самой

8 Queer (англ.) — странный, иной.

культуре прошлого позиций: «Квирить» Средние века не значит утверждать, что определенные исторические лица или литературные персонажи имели гомосексуальную ориентацию, но значит отходить от разделения на гомосексуалов и гетеросексуалов» (с. 24). Вместо этого она предлагает попытаться продемонстрировать, как сами авторы и аудитория средневековых текстов и изображений могли воспринимать и описывать сексуальность.

Это, пожалуй, наиболее интересная и одновременно дискуссионная составляющая предлагаемого подхода к изучению и описанию Средневековья. Каррас вводит другую систему координат для оценивания информации о средневековой сексуальности. В ее основу она кладет ключевой принцип, который был вынесен в подзаголовок английского издания монографии: секс понимался не как разделяемый партнерами опыт, но как действие, совершаемое одним из них в отношении другого. Из этого фундаментального отличия следуют несколько основных положений, на которых строится интерпретация исторических источников. Во-первых, опыт партнеров понимается (и средневековыми авторами, и исследовательницей) как принципиально различный — один осуществлял действие, другой его претерпевал, соответственно, и оценивался он с разных точек зрения. Это расхождение теснейшим образом связано с представлениями о поле, гендере и сексуальной идентичности: актором является только мужчина, пассивная роль (что вовсе не означает «жертвенная») принадлежит женщине. Сам сексуальный акт мыслится именно как действие мужчины. Во-вторых, шкала, по которой оценивается «нормальность» или «ненормальность» сексуальных отношений, связана не с тем, люди какого пола и возраста в них вступали, а с целью, которую они преследовали. Нормой считался секс ради зачатия ребенка, даже если, например, один или оба партнера были (с нашей современной точки зрения) очень юны. Осуждаемыми были любые виды нерепродуктивного секса, как гомо-, так и гетеросексуального. На этих ключевых характеристиках средневековой сексуальности, сформулированных в первой главе, основана последующая структура книги. Она опирается на различение не видов сексуальных практик, а обусловленных представлениями о сексуальности статусов людей: тех, кто соблюдал целибат и воздержание, брачных партнеров, мужчин и отдельно женщин, вступающих в любые сексуальные отношения вне брака.

Первым в центре внимания оказывается значимое для средневековой, в особенности христианской, Европы учение о целомудрии, которому посвящена вторая глава. Целомудрие интерпретируется как одна из сексуальных идентичностей, поскольку на основе такого отношения к сексу выделялись сразу нескольких социальных групп. Исследовательница прослеживает основные составляющие и эволюцию этого учения в его разнообразных изводах, связанных с различными категориями верующих, для или о которых были составлены тексты, — мучеников и мучениц, монахов и монахинь, священников, праведников и т.п., подчеркивая разнообразие и порой противоречивость суждений об одном и том же предмете, среди которых можно найти и истоки многих современных представлений и споров. Одновременно Каррас продолжает, в особенности в последних разделах главы, посвященных девственности, искушению и эротизму, проблематизировать средневековое понимание сексуальности, по отношению к которому выстраивалась идея целомудрия и чистоты. Она нередко проводит сопоставления с дискуссиями в современном обществе и обращает внимание читателя на то, что рамки действий, ощущений и связанных с ними вербальных и визуальных образов, которые расценивались как сексуальные, а также соотношение сексуального и несексуального, духовного и плотского, эротического, сексуального и божественного нередко не совпадают с привычными современному человеку. Тем самым она проблематизирует и собственный нарратив как результат рефлексии современного человека об

инаковой средневековой культуре: «Только человек, живущий в современную эпоху, мог написать последние несколько параграфов о том, как связаны друг с другом духовное и чувственное. Средневековый автор бы так не сказал. Для нас чувственное значит плотское, но для многих средневековых мыслителей чувственность — те ее грани, которые пересекаются с духовным — противопоставлялись плотскому» (с. 113).

Следом за целомудрием в иерархии представлений о моделях сексуального поведения стояли супружеские отношения, которым посвящена третья глава книги. В иудейских и мусульманских сообществах, где идея пожизненного целомудрия не имела столь важного значения, брак был основной формой одобряемых сексуальных отношений, но и в христианской Европе, поскольку признавалось, что не все способны сохранять чистоту, от большинства людей ожидалось, что они будут вступать в брак. Хотя брачная сексуальная активность тоже считалась греховной и опасной, она оправдывалась продолжением рода и отчасти тем, что оберегала от еще большего греха — блуда. Поскольку в христианском мире трактаты о браке и сексуальных отношениях писались людьми, воздерживающимися и от того, и от другого, информация, на основе которой можно определить, что считалось нормой в отношении средневековой брачной сексуальности, весьма специфична, и судить о том, насколько выполнялись подобные предписания, сложно. К тому же и понимание брака не всегда было однозначным. В некоторых случаях, особенно в период раннего Средневековья, постоянное сожительство могло считаться браком, даже если партнеры не проходили через обряд венчания. Однако церковь, с позицией которой и связано большинство наставлений, такие союзы не признавала (с. 120).

Поскольку именно действия церкви способствовали регламентации нормы в отношении того, какие отношения считаются браком, кому в них дозволительно вступать и как и на каких основаниях расторгать, то в христианских и мусульманских европейских государствах, а также в иудейских общинах, существовавших на территории и тех, и других, действовали разные нормы. Именно с описания этих запутанных и изменявшихся представлений о том, что являлось законным браком, Каррас и начинает рассмотрение брачной сексуальности. А в силу того, что секс составлял лишь часть супружеских отношений и на него и его репрезентацию оказывало влияние распределение власти в семье, представления о семейном укладе также требуют пояснения. Исследовательница обращает внимание на то, что нередко встречающиеся в «художественной литературе» (стоит иметь в виду условность и этой категории для средневековой культуры) истории о хитроумных, коварных, властных, мудрых женах вполне могли прочитываться современниками совсем не так, как сейчас. После этих пространных оговорок она переходит к рассмотрению того круга вопросов, которые обсуждались в связи с сексуальными отношениями в браке. Поскольку допустимыми, особенно в христианской культуре, их делало стремление продолжать род, с этой идеей связаны поднимавшиеся в Средневековье и анализируемые Каррас проблемы: как регламентировались сексуальные отношения мужа и жены, как воспринимался бездетный брак, как понималось и оценивалось сексуальное удовольствие и что можно сказать о типичных сексуальных практиках брачных партнеров. Пожалуй, именно в этой главе, поскольку брачные отношения представляются наиболее «традиционными» и потому близкими современной культуре, читатель в наибольшей мере может ощутить странность Средневековья: множественность и нередко противоречивость суждений и обычаев и отличающуюся от современной логику приоритетов, способствующую тому, что в некоторых случаях сексуальные отношения в браке могли подвергаться большему осуждению, чем связи вне брака.

Последние две главы монографии посвящены мужской и женской внебрачной сексуальности, рассматриваемой по отдельности, поскольку общество оценивало их по-разному. Казалось бы, согласно логике движения от наиболее одобряемых моделей сексуального поведения к вызывавшим наибольшее неприятие, сначала должен идти разбор мужской внебрачной активности, коль скоро обычно в средневековом обществе она осуждалась менее сурово, нежели женская (с. 241). Но и у обратного порядка, предложенного Каррас, есть свое объяснение. Четвертая глава, написанная с позиции того, как воспринималось сексуальное поведение женщин вне брака, преимущественно посвящена наиболее распространенным формам внебрачной сексуальности, в которых участвуют представители обоих полов: адюльтеру, отношениям людей, не состоящих в браке, конкубинату, проституции и насилию. В силу этого и во избежание повторений большая часть последней главы посвящена наиболее дискуссионной проблематике сексуальных отношений между мужчинами.

Каррас обращает внимание на то, как в отношении к внебрачной сексуальной активности коррелируют представления о самом сексе, связывавшемся с актом пенетрации, о женской физиологии и греховности (женщины считались более слабыми и более похотливыми, не способными устоять перед соблазном чувственного удовольствия) и о женщине как члене того или иного сообщества. Представления о природной слабости женщин не способствовали терпимости к их прегрешениям. Напротив, на женщину возлагалась большая ответственность, поскольку ребенок как результат внебрачных связей становился дополнительным бременем для общины и создавал угрозу для наследования. Вследствие этого честь и добродетель женщины связывалась, в отличие от мужской, с ее сексуальностью, ее поведение требовало большего контроля, а пострадавшим от ее действий лицом считался мужчина — муж, отец, феодал, если речь шла о зависимых крестьянках. В этой главе, построенной преимущественно на анализе судебных материалов, исследовательница наглядно демонстрирует социальную основу сексуальности, становящуюся наиболее заметной в тех случаях, когда наши представления отличаются от средневековых. Каррас разбирает на конкретных примерах, как по-разному могли пересекаться социальные иерархии, которыми определялось положение женщины и главным образом — специфика ее зависимости от мужчин, с представлениями об ущербе, который могут нанести ее внебрачные связи, порождая разные оценки и разные стратегии поведения. Некоторые средневековые трактовки могут быть неожиданны для современного читателя во многом в связи с отличавшимися социальными нормами: например, в вопросе об изнасиловании в обществе, где индивидуальное согласие не имело большого значения, или сексуальных отношений, в которые вовлекались очень юные девушки в силу низкого порога брачного возраста. Кроме того, учитывая, что подавляющая часть источников, которыми располагает современный исследователь, написаны мужчинами, даже если в них тем или иным образом отражен женский голос, ключевым моментом для обсуждения женской внебрачной сексуальности была угроза, которую она могла иметь для мужчин, что нашло свое выражение, например, в образе ведьмы.

Социальные нормы и иерархии, нередко вступающие в противоречие с универсализмом религиозных представлений о праведном и греховном образе жизни, находятся в центре внимания и в заключительной главе о мужской внебрачной сексуальной жизни. При сопоставлении с сексуальным поведением женщины мужчина всегда или почти всегда оказывается во властной позиции активной действующей силы, которая и ассоциировалась с маскулинностью. Однако при сравнении поведения разных мужчин проступает значимость иных факторов, определяющих позицию власти, в особенности в обществе с жесткими системами субординации.

Каррас показывает, какое значение сословные и возрастные иерархии имели в признании допустимыми на практике тех или иных моделей поведения, которые порицались и даже считались наказуемыми в религиозной морали и светском праве. И напротив — как представления о мужской сексуальности как проявлении власти проецировались на различные политически значимые оппозиции свой/чужой, способствуя феминизации и содомизации образов различных «Других», главным образом иноверцев и соседних, воспринимаемых как вражеских, народов. Хотя это явление отнюдь не чуждо и культуре модерности, автор вновь не дает узнаваемой ситуации ввести читателя в заблуждение, демонстрируя, что девиантное поведение, связываемое не с идеей гомосексуальности (содомией могли называться в том числе некоторые осуждаемые гетеросексуальные практики), но с противоестественностью бесплодного сексуального акта (с. 269), мыслилось не как проявление особой идентичности человека, но как греховный поступок, который гипотетически может совершить любой человек в силу своей природной слабости. Каррас связывает невыработанность идеи сексуальной идентичности не с ограниченностью культурного пространства саморепрезентации, с развитием которого в культуре Нового времени исследователи обычно связывают формирование самого феномена идентичности, хотя и подходит к этому вопросу, но с особенностью существовавших дискурсов и представлений, отмечая одновременно, как внутри средневековой культуры появляется возможность для осмысления сексуального поведения человека как идентичности.

Подводя итоги своего не столько исследования, сколько текста, написанного в другом жанре, имеющем отношение к публичной истории, Каррас вновь возвращается к проблемам политики знания и вопросу о том, как и зачем изучать средневековую сексуальность, рассматривая ее в двух основных контекстах: что это изучение дает для понимания средневекового общества и культуры и как оно помогает понять современность. Их объединяет один, основополагающий для всей работы тезис: «Современное положение вещей (или наше представление о нем) — это не нечто “естественное”: оно обусловлено историей» (с. 310). И представления о том, что «традиционное» досталось нам от средневекового прошлого и требует дальнейшего поддержания и сохранения, и противоположные суждения об этом прошлом как об эпохе принципиально отличной от всего, что свойственно современности, в равной мере подвергаются критике и как некорректные, и как не приносящие пользу, если только целью не является создание ложной ностальгии по «славному» прошлому (с. 315), что демонстрирует принципиальное значение вопросов бытования и культурного статуса научного знания для автора работы. Они являются не просто некоторым дополнительным занятием для исследовательницы средневековой сексуальности, придающим актуальность всему ее труду, но ключевой методологической позицией, с которой связаны основные, несомненные достоинства работы, делающие ее не просто интересным, но полезным для современного общества высказыванием. Но с этой же перспективой оценивания результатов работы историка как высказывания, адресованного современному обществу, связаны и спорные особенности выстраиваемого Каррас нарратива о средневековой сексуальности. Один из ключевых вопросов публичной истории заключается в том, кем, как и для кого производится знание. Современные исследователи заняты поиском оптимального компромисса между сохранением критериев научности и обращенностью к широкой читательской аудитории. Выбор, сделанный Каррас, лишний раз демонстрирует, что это не просто проблема доступности знания, но и вопрос борьбы за представленность в публичном пространстве тех или иных образов и концепций. Хотя она и обозначает критику существующих в современной культуре образов средневековой сексуальности и Средневековья в целом как важ-

ную задачу своей работы, включая и те образы, что создают ее коллеги-медиевисты, работы последних вытеснены на периферию ее повествования. Они кратко обозначены в первой главе, и исследовательница возвращается к ним в послесловии. В начале работы она оговаривает, что свела к минимуму количество не только сносок, но и имен исследователей, чтобы не перегружать текст, тем более что все работы можно найти в библиографических экскурсах (с. 58). Это весьма понятное решение в свете общего замысла ее работы, учитывая, что современным историкам необходимо иметь дело с сотнями текстов своих коллег. В работе действительно не так много имен авторов других исследований, но их немногочисленность лишь подчеркивает одно важное обстоятельство — это имена тех, на чьи выводы и наблюдения опирается Каррас (чаще всего встречается имя Кэролайн Байнум), их она делает заметными и узнаваемыми, что подкрепляет авторитетность и ее собственных суждений. Альтернативные концепции преимущественно остаются анонимными, почти растворяясь среди разных «современных образов Средневековья», у читателя остается лишь возможность отыскать их в библиографии. Пожалуй, единственное значимое имя из числа коллег, с которыми не согласна Каррас, — Томаса Лакёра — появляется только в послесловии, хотя его идеи упоминаются в самом начале книги и отчасти критикуются в третьей главе. Если чуткость к бытованию образов Средневековья в современной культуре, которую Каррас стремится пробудить у читателя, проявить и в отношении ее собственного текста, то можно увидеть в нем проявление различных дискурсивных, культурных, политических, экономических факторов, определяющих бытование знания в современной культуре. Имеют они отношение и к российскому изданию, которое может быть оценено в той же перспективе. Замена названия и оформление обложки, маркировка «18+», отсутствие иллюстраций, имеющих в английской версии текста, и некоторая небрежность перевода и редактирования, и даже макетирования, бросающаяся в глаза при взгляде на оглавление, — все эти особенности, намеренные или невольные, вынужденные или субверсивные, обуславливают то, как преподносятся и воспринимаются содержащиеся в тексте идеи, а потому тоже становятся одним из факторов бытования знания.